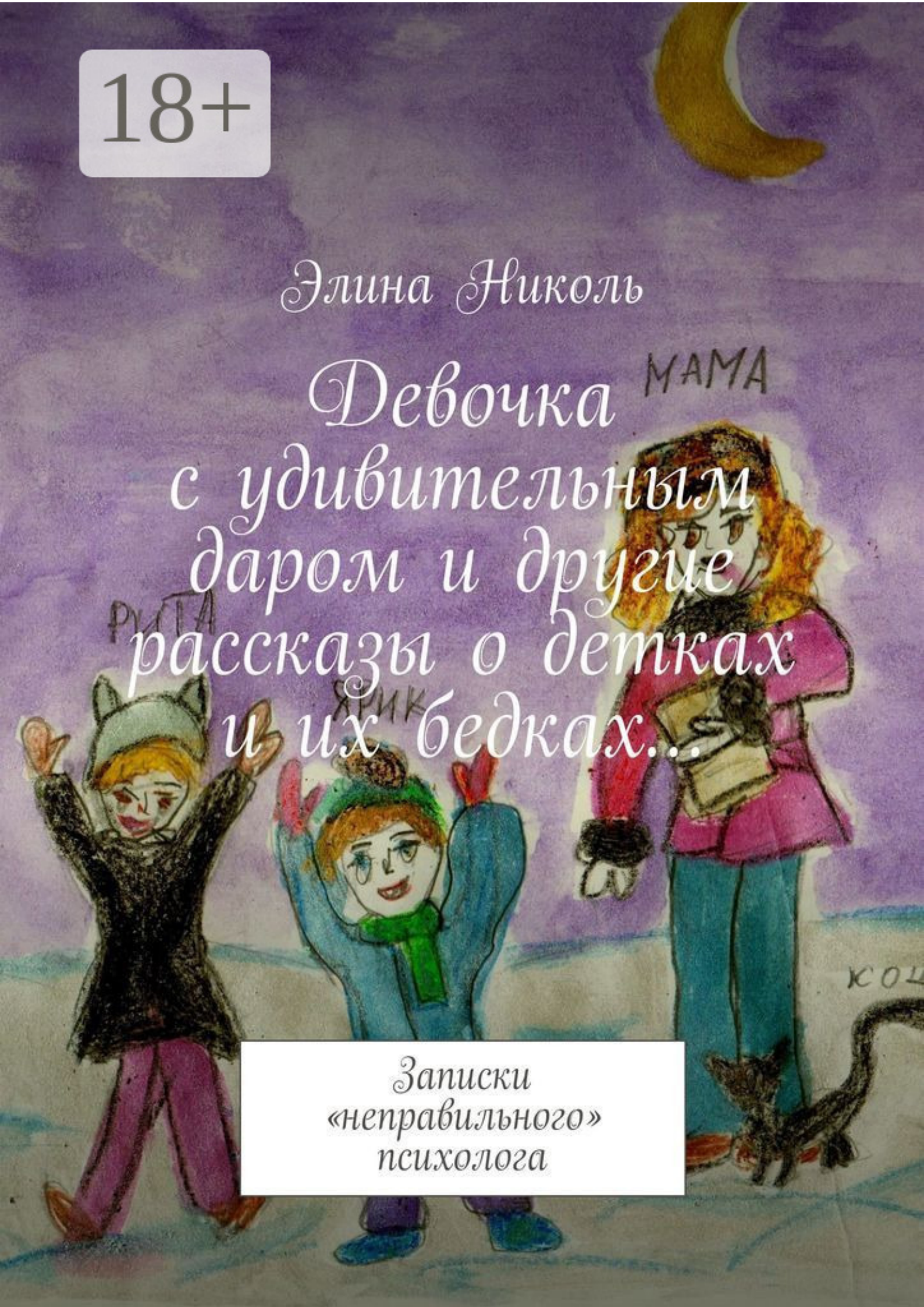

18+

Элина Николь

МАМА
ДЕВУШКА
с удивительным
даром и другие
рассказы о детках
и их бедках...

Записки
«неправильного»
психолога

Элина Николь

**Девочка с удивительным
даром и другие рассказы
о детках и их бедках... Записки
«неправильного» психолога**

«Издательские решения»

Николь Э.

Девочка с удивительным даром и другие рассказы о детках и их бедках... Записки «неправильного» психолога / Э. Николь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968406-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Наверное, будут и следующие сборники моих рассказов, но первый посвящен детям — их радостям и бедам, вопросам, которые волнуют многих современных родителей. Эта книга появилась на свет благодаря моим читателям, и мне хочется сказать им огромное «Спасибо!» И отдельное спасибо Ярославу Ш., чей рисунок вы видите на обложке... Ваша ЭН.

ISBN 978-5-44-968406-6

© Николь Э.

© Издательские решения

Содержание

Говорила: «Люблю!», а внук махал кулачками и ругался	6
Про Ваську, который былое счастье на лавочке искал	8
Отец в виде... обезьяны!	10
Ангел у кровати Витальки	12
Творческие способности в будущем	14
Игровая приставка	16
Подружка с Донбасса	18
Буду хиппи!	20
Это мой брат, он больной...	22
Идеальный мужчина!	24
Несостоявшийся «подкидыш»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Девочка с удивительным даром и другие рассказы о детках и их бедках... Записки «неправильного» психолога

Элина Николь

© Элина Николь, 2019

ISBN 978-5-4496-8406-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорила: «Люблю!», а внук махал кулачками и ругался

Люблю – это единственное, по-настоящему волшебное и слово, и чувство. Поняла я это поздно, но счастлива, что сумела понять. Баба Шура помогла. Когда она с пятилетним внуком Павликом переехала в наш дом, то была куда моложе, активнее. В ней сразу узнавалась бабушка старой закалки. Настоящая бабушка! Вроде и чужая тебе, а посмотришь, и что-то родное в ней замечаешь. Наше. Но я бы и не обратила на них внимания, если бы не поведение Павлика.

Однажды вечером я возвращалась домой, а они гуляли, и было видно, что поведение Павлика – странное, особенно с учетом его возраста. Да, гиперактивность, капризы, но и еще что-то, в походке, во взгляде исподлобья.

Таких детей становится всё больше.

Однажды я не выдержала. Внук кричал, бился в истерике, махал кулачками, ругался на бабушку, а она старалась его обнять. В надежде, что Павлик испугается строгую тетку в очках, я подошла и уже хотела вмешаться, как услышала слова бабы Шуры:

– Павлик, сынок, я тебя очень люблю. И буду всегда любить.

Она пыталась его обнять и повторяла только эти слова. Павлик успокоился. Я порылась в сумке, нашла там жвачку, угостила его. Он пробурчал низко, отрывисто:

– Спаси-бо...

Так мы и познакомились. Если сейчас на земле существуют святые, то одну из них я точно знаю. Это святая баба Шура. Позже я поняла, что и у меня в жизни были моменты, когда мне хотелось бы стать на минутку Павликом. Только для того, чтобы такая баба Шура прижала меня к себе и произнесла:

– Внученька, я тебя люблю, и буду всегда любить! Несмотря на то, что ты сама, зараза такая, натворишь дел, а потом тебе плохо от этого. Но я тебя люблю!

Ох, честно говорю, мне бы так полегчало!

В один из весенних дней, после Пасхи, баба Шура пригласила меня в гости. Наверное, её пугала моя худоба и она хотела, чтобы я доела куличи, яйца и пирожки. И холодец, да. А может ей просто захотелось выговориться.

Павлик играл в комнате, а мы сидели на кухне, и Баба Шура рассказала, что её дочь Светлана родила Павлика поздно, а через какое-то время стало понятно, что он не такой, как остальные дети. Не такой. Старший сын Светланы нервно реагировал на Павлика, который, как немного подросток, то есть научился ходить и говорить, стал... Да мешать стал, злить, портить что-то, ломать.

– Денег врачам много отдали, – говорила баба Шура, – да толку мало, сказали про родовую травму, кислорода там не хватило, еще что-то... Таскали они его, таскали... а потом ругаться все стали в доме. Вижу, что лишний для них Павлик, так я им предложила отдать мне его, пока жива. Он хоть и буянит, но со мной ему лучше. Я в ответ буянить не умею. Не кричу на него, как Светка... Ему в школу в этом году, очень я хочу, чтобы он в школу пошел. Мою квартиру они продали, у меня большая была, а нам эту купили... Зато денег хватает...

Забегая вперед, скажу, что в школе Павлик отучился два года, и, с учетом его состояния, вполне неплохо отучился. Дальше – домашнее обучение.

А тогда я предложила все свои знакомства, и знакомства знакомых, и клубок связей, включая главного врача детского отделения...

– Нет, не говори так. Не отдам я его туда. Я лучше молиться буду и любить его. Когда я маленькой была, у нас в деревне жил мальчик такой, вел себя еще хуже. Но мать его любила, и он поправился.

Мне, с моим гностицизмом, всё это было и понятно, и непонятно.

– Баба Шура, а когда ему лет пятнадцать станет, драться начнёт уже по-другому? Да и возраст...

– На все воля Божия, деточка.

Ушла я от неё расстроенной. Мне было жаль и её, и Павлика.

На улице я её вижу редко, а с Павликом регулярно встречаюсь в магазине. Нет, он не стал совсем здоровым, но... Я почему-то очень сильно верю бабе Шуре. Верю в волшебство слова «любовь», в чувство это. Но и врачи помогли, когда пришло время, помогли подобрать препараты необходимые. Но без её «люблю» – всё было бы куда сложнее...

Про Ваську, который былое счастье на лавочке искал

На самом деле, жизнь прожить – это как поле перейти. Только не простое поле, а «минное», в иносказательном смысле, конечно. «Мины» просто другой «системы» на нем закопаны. «Рвануло» – тело в порядке, ничего ему не делается, а вот душа – в клочья.

Вы видели хоть одного человека на земле, который бы ловко по этому полю пробрался? Ну, чтобы обойти все эти «мины»? И не ищите, не найдете. Даже не пытайтесь. Нет таких. Совсем. Ни одного.

Васька вот на первую в десять лет напоролся. У него мама уехала в другой город работать, да и отец по вахтам разъезжал, а он с бабушкой стал жить. Но после школы всегда к своему дому подходил, просто так, на лавочке посидеть. Ну, не просто так, а повспоминать, как они переехали, когда он совсем маленький был, как папа с мамой ремонт делали. Как на выходные в лес катались. А еще он запомнил, как они с отцом в бейсбол играли. Странная игра, не русская, но зачем-то отец перчатку эту купил, и биту, и несколько мячей. Впрочем, полноценной игрой это нельзя было назвать, но какая разница? Если было так весело и хорошо? Если Васька себя счастливым чувствовал?

А потом сразу плохо стало. Когда «рвануло». Маме так сильно в другом городе понравилось, что возвращаться она не захотела. Нет, она приехала, чтобы развестись с папой, Ваське много слов наговорила, о том, что он поймет все, когда вырастет, и что забрать с собой она его не может.

А папа... Папа потом нашел работу в их городе, но Васька продолжал жить с бабушкой. Бабушка всегда могла проследить, чтобы внук был накормлен, да и привык уже он жить с нею. А чтобы не скучать, он к дому все чаще ходил, и сидел там на лавочке. А потом и друзья его стали ходить, вместе с ним. Иногда Васька брал с собой перчатку, мяч, биту. Играли. Только без отца игра опасной стала. Васька подрос, бросок у него сильнее стал. И засадил он однажды мячом в небольшую витрину магазинчика, который на первом этаже в его доме был.

– Бамцс!

Ну, тут соседи сбежались, стали Ваську ругать, и друзей его, мол, хулиганят тут, а он лишь стоял и глупо улыбался, как многие малолетки делают. Наверное, это у них защитная реакция такая. «Смотрите на меня, я немного придурковатый, поэтому может, пожалеете, как дурочка!». Так оно и вышло. Пожалели. Но деньги отцу пришлось заплатить.

– Приходи когда я дома! – кричал отец. – Что ты постоянно торчишь здесь?

– Не знаю... Просто... – И он снова глупо улыбался.

На самом деле, Васька действительно не знал. Ну, так, чтобы точно. Чувствовал, но объяснить бы не смог, почему его так к дому тянет. Это бессознательная, но очень естественная для него тяга была. Ему уже хоть и четырнадцатый шел уже, но ведь все равно еще маленький? И вот когда «мина» «рванула», у него просто и выбора другого не было, так я думаю... Сидение на лавочке возле дома, который стал родным, а потом перестал быть родным, помогало ему. Может, оно и останавливало его от желания переколотить целых десять витрин?

Все это я и попыталась донести до его отца, когда он остановил меня на улице, чтобы поговорить о сыне и его странной тяге к лавочке. А я удивилась, что отец не понимает таких простых вещей. Не наблюдательный он какой-то. Ведь даже кошки и собаки возвращаются к опустевшим квартирам... Вряд ли они надеются, что вернутся в прежнюю жизнь, к своими хозяевам. Так ведь? Они, наверное, пытаются до конца вобрать в себя то, что еще осталось от той, прежней жизни. Запахи может? Может им просто приятно на коврик этом полежать? В последние разы? Почему бы и нет? Пока соседи не прогонят?

А человек, он куда более развит, вы и сами это знаете. Вот и Васька старался немного подкрепиться остатками былого. Словно возле подъезда еще валялись крупички того детского сча-

стья. Поэтому и приходил он каждый день на эту лавочку. Но и еще одна причина может быть, дополнительная... Даже от таких вот условных «мин» бывают серьезные контузии. Душевные, конечно, и особенно у детей. Ну, это когда по неокрепшей душе «взрывная» волна проходит. И ничего сложного в этом нет. Это так легко понять! Блин, это ведь белыми нитками шито! Или суровыми? Серыми такими?

Отец в виде... обезьяны!

Мой день рождения идет по пятам восьмого марта. Уже давно не отмечаю его отдельно. Мне это излишеством казалось, потому что Международный Женский день в кругу моих подруг и друзей всегда ценился. И у меня просто не хватало совести, после нескольких предпринятых попыток, снова заставлять их веселиться. Дашка, моя молодая коллега, всегда, правда, приезжала. У нее, как у человека, который вырос в детдоме, особо трепетное отношение к дням рождения.

Остальные звонили, конечно, поздравляли, и я чувствовала себя работницей какого-то узла связи.

Эх...

Вы планируете работать с людьми? Может, вы хотите стать психологом? Держите в тайне свой день рождения! А еще лучше, пусть у вас будет два номера телефона.

– Выключи ты его, – сказала Дарья. – Пусть думают, что он разрядился. Потерялся. Это ведь беда какая-то.

– Нет. Так некрасиво.

Через пять минут снова заиграла музыка. Я обреченно посмотрела на телефон, поднесла трубку к уху, и уже приготовилась услышать что-то вроде «многие лета!», только вот... Связь была такая, словно женщина звонила... Пусть будет с Камчатки? Она ведь далеко? А? Но я мало что смогла понять из ее речи. Сижу, и переспрашиваю:

– Какая обезьяна? Где? Отец? Чей отец? Простите, но вас слышно плохо. Вы кто? Сын нарисовал обезьяну? Да, перезвоните.

Связь оборвалась.

– Какая обезьяна? – заинтересовалась Дарья.

– Не знаю. Может, номером ошиблись.

Снова – звонок, то есть музыка.

– Так лучше? – спросила женщина.

– Да.

– О, хорошо. Мне ваш номер знакомая дала. Меня Татьяной зовут. Нам в садике сказали, чтобы сын нарисовал портрет семьи. Я подозреваю, что это психолог дал такое задание. Вы ведь знаете, они потом смотрят, и делают выводы различные. По рисунку. Сын нарисовал отца в виде обезьяны, и я волнуюсь. Что психолог подумать может? И вообще, это нормально?

Я растерялась. Я интересовалась арт-терапией, но не более того, да и с детьми не работала.

– Простите, но может я лучше коллеге дам трубку. У нее есть опыт по этой части.

Протянула трубку Дарье. Она выслушала. Спросила:

– Сколько лет ребенку? Три года? Какие отношения с отцом? Хорошие? Понятно. Не волнуйтесь. А вы есть на рисунке? Как червяк? Снизу вверх? На весь лист? Ясно. Нет-нет, все нормально. Как я понимаю, с отцом он дурачится больше, а вас именно как воспитателя рассматривает... Простите. Успокойтесь. Нельзя по телефону точнее... не видя рисунка. Я вам адрес почты пришлю – вы мне рисунок, и завтра поговорим... Договорились.

– Вот ведь жизнь, – сказала она. – Девять часов вечера. Вина на дне рождения выпить не дают. Обезьяны какие-то... Дурдом!

– Даш, а как ты вообще к арт-терапии относишься? К диагностике? Ты ведь активно занималась этим... Не разочаровалась?

– Теперь я к этому с легкой доли скептицизма отношусь. Особенно, когда прочитала высказывание одного арт-терапевта о том, что вода в рисунках ребенка – это символ свободы. Понимаешь, тут кто в лес, кто по дрова... Это печально. И Юнг и Фрейд очень бы обиделись

таким пренебрежением к важным символам. Вода показывает на душевного ребенка, она и есть символ психики, душевного мира... Какая свобода? Знаешь, если рисунки повторяются, и есть тревожные мотивы – это одно. Но когда просто так – нарисуйте дети домик и папу с мамой, а потом выводы на этом разовом материале делают... Я против такого. Ребенок мог мультфильмов насмотреться, «симпсонов» каких-нибудь, потом обезьяну нарисовать эту, и вот уже мама поднимает тревогу. Беда! А уж про любительский подход вообще молчу.

– Я смотрела немного «симпсонов», – сказала я. – Там вроде не про обезьян.

– Да для трехлетнего ребенка, Гомер Симпсон – обезьяной воспринимается. Да и вообще...

– Что-то мы не о том говорим...

– Да, сбила нас она, женщина эта. Вот ведь пошла мода на рисунки эти... Давай тоже придумаем свою сверхмодную терапию?

– Зачем? Мне больше мода на сказки нравится. Сказкотерапия! Представь, девочка, что ты оказалась в лесу... И придумай дальнейшую сказку.

– Ага. А потом за головы хватаются. У меня ухажер был один, пытался творчеством завоевать мое сердце. Дал ссылку на свои «сказки». Я почитала, и перекрестилась... А внешне приличный, образованный. А в голове...

– Но ты ведь согласна, что человек во всем оставляет свой след?

– Да. Просто каждый след надо адекватно оценивать. Помнишь, мы у тебя на даче вокруг бани бегали зимой, с Анькой, Таней? Ну, когда в сугроб прыгали? Ты еще сказала, что ясно поняла точное значение слов – «голь перекатная».

– Помню.

– Ну, вот тебе и ответ. А кто-нибудь увидит эти следы и скажет – о, они тут босиком по снегу ходят. Всегда. Снежные девки!

– Вывод?

– Как дополнение, как попытка понять душу – все это работает, но не более того...

Дарья знает, о чем говорит. Она этим всерьез занималась. Поэтому, мамочки (и папочки!) мои милые, не печальтесь, если ваша дочь или сын рисуют вас в странных обликах. Не паникуйте!

Ангел у кровати Витальки

– Наташа, отойди от Витальки, хватит его веселить! – прокричала с кухни Оксана. – Дай брату поспать...

– Ма, я вообще в другой комнате, – ответила шестилетняя Наташа.

Оксана вытерла руки о передник, и пошла в детскую, к кровати Виталика.

– Ну и чему мы так веселимся? А? Аж пузыри пускаем... Спи. А то распузырился...

Оксана подтерла Витальке слюни и вернулась на кухню, доделывать пирог.

Ему не хотелось спать. Он смотрел своими голубыми глазами на светлое, полупрозрачное существо, которое лучилось не только теплом и добром, но и радостью. Виталька еще не умел разговаривать, но нельзя сказать, что он не понимал слов... Он их чувствовал. А существо оказалось болтливым, несмотря на то, что у него не было ни рта, ни языка. Но слова-то – были!

– Надеюсь, Виталий Андреевич, ты меня понял, – сказала существо. – Появляться буду только при крайней необходимости, я дух служебный, а не персональный Ангел, но может это и к лучшему. Возможностей у меня больше. Я повыше рангом, чем индивидуалы. Появляюсь я быстро. Как только сигнал поступает, я раз... И уже рядом! А когда ты личного Ангела обретишь, я не знаю. Но раз я тут, значит, не очень скоро. Будущее предсказывать мы не умеем, потому что не знаем его. Никто его не знает, кроме Бога. Но если он захочет рассказать тебе о будущем, когда-нибудь, то я тут же тебе это передам. Намекну. Понял?

Ангел прикоснулся к щеке Витальки, и тот снова весело заукал. На самом деле, он был тревожным ребенком, как и большинство детей в наше время. Мог орать ночами, неспроста, конечно... Просто часто ему было очень страшно, только он не понимал, почему. Он чувствовал этот страх, словно во тьме пряталось что-то злое и холодное. А сейчас он чувствовал, что страх этот, ночной, на самом деле не такой и страшный, когда есть такие теплые и светлые существа.

– Теперь ты, Виталий Андреевич, точно знаешь, что мы существуем. Так? Есть не так, то я снова пощекочу тебе нос. О, вижу, что усвоил! Через несколько лет ты не то, чтобы забудешь обо мне, просто воспоминание останется таким, без подробностей, как яркое пятно, но зато очень эмоциональным. А в глубине твоего сознания этот разговор останется навсегда.

В комнату вошла Наташа, склонилась над братом.

– Я тут, – сказала она. – А куда ты смотришь?

Он перевел взгляд.

– Станный ты сегодня...

Отойдя от кровати, она порылась в шкатулке со своими детскими украшениями, взяла бусы, и вышла из комнаты.

– Виталий Андреевич, мне надо закругляться, – сказал Ангел. – Не знаю, когда мы еще увидимся... Но мне хочется, чтобы в глубине твоего сознания отложилось понимание того, что я могу приходить к тебе в самым неожиданных образах. Да-да. Сегодня утром я был старухой, согнутой пополам, которая катила тележку. Представляешь? И все из-за одной девицы. Не поверишь, она вчера в церковь пришла, свечей целый пучок купила, плакала, и обещала быть хорошей и доброй. Хорошо, что не клялась, а просто обещала. И вот я стою, охаю, собираю капусту эту, а она посмотрела на меня, на лужу, в которой я стоял, и пошла дальше. Не помогла. И зачем обещала? Ладно б она сказала: «Обещаю быть и хорошей и доброй, но на старушек с тележками это не распространяется». Так ведь не сказала. А ведь у нее все могло бы с этого дня по-другому быть. Обманщица!

– Угук! – весело поддакнул Виталька. – Агук!

– Знать бы, всё-таки, кто из тебя вырастет, – сказал Ангел. – Хотя... я столько жизней человеческих жизней видел, что могу заверить: все они похожи. Все проходят и через радости, и через беды. Но печалиться – поводов нет, понял?

– Угук!

– Пока, Виталька! До следующей встречи!

Через десять минут Оксана снова подошла к сыну. Виталька уже спал.

Она вышла, прикрыла дверь, и спросила Наташу:

– Зачем ты ему перышко на подушку положила?

– Мне что, делать нечего? – удивилась Наташа. – Какое перышко?

– Вот это...

И Оксана показала Наташе небольшое, почти невесомое белоснежное перо.

Творческие способности в будущем

Все папы желают своим сыновьям исключительно добра. Папа Дима не был исключением, и разработал для сына целую воспитательную программу. Но в программе произошел неожиданный сбой. Денису было три года, когда стало ясно, что по характеру, душевному устроению, в нем было куда больше от мамы, чем от папы.

Когда папа Дима это осознал, то очень огорчился. Безоблачное будущее сына оказалось под угрозой. Отец стал лихорадочно думать о том, как скорректировать программу воспитания.

«Вырастет непрактичным, – думал он, – пропадет».

Прошло около года, но корректировка не принесла ожидаемых плодов. Дима объяснил жене Тане, что ей надо поменьше общаться с сыном, поменьше читать ему сказки, и поменьше петь песенки. До этого он решился высказать ей все прямо, подумал, что она обидится. Ходил вокруг да около.

– Он у нас слишком... слишком романтичным растет. Так уже нельзя, а в будущем такой настрой будет равнозначен поражению. Поэтому, не обижайся, но сказки перед сном надо отменить. Я буду укладывать его спать. Поменьше рассказывай ему всякой ерунды. Если заботишься об его будущем.

– Может в будущем не все так плохо будет? – спросила Татьяна. – Может и ему, и другим таких детям найдется место? Он уже сам пытается слова рифмовать. У него способности.

– Его способности развиваются не в ту сторону. Креативность надо использовать по назначению. А такое творчество... песенки, слова рифмованные... Если только для рекламы, для буклетов. В будущем не будет творчества в привычном понимании. Оно станет ненужным. И дети с такими способностями будут не нужны.

– Ты страшные вещи говоришь.

– Это реальные вещи. Творчество – это вызывание эмоций. И оно проигрывает в этом перед любыми другими, нетворческими способами. Да этих эмоций – и так по жизни раскидано. Деда в переходе помнишь? Стихи читал? Кто его слушал?

– Я. Еще несколько человек.

– И все. А помнишь, когда авария произошла рядом с остановкой? Сколько человек собралось? Такая толпа! Вот тебе и весь ответ, про эмоции.

– Это совсем разные эмоции. Понимаешь...

– Не спорь. Сказки – не читать. Нам надо вырастить умного человека. А ты его приучила к сказкам этим. Он уже не такой уж и маленький, даже стыдно.

В то вечер Дима сам укладывал сына спать. Денис удивился, и даже погрузился, но попросил робким голосом:

– Расскажи мне сказку.

– Я не умею рассказывать сказки. Давай я тебе что-нибудь умное расскажу. Про что ты узнать хочешь?

– Про Луну.

– Луна, сынок, это такой естественный спутник Земли...

Нет, Денис не ответил, как в анекдоте, не спросил отца: «Ты с кем сейчас разговаривал, папа?» Он просто лежал в темноте, и думал о чем-то своем. Закончив речь о «спутнике» папа Дима понял, что он устал.

– Ты заснул? – спросил он Дениса.

– Нет. Я про Луну думаю. Мама говорила, что когда-то Луны не было над Землей. И ночи не было. Люди жили очень долго, но только иногда уставали. И по лестнице забирались на небо, отдохнуть. А потом спускались обратно.

– Что за бред? Кто тебе такое сказал?

– Мама сказку рассказывала...

– Почему ты так сказки любишь?

– Они красивые и умные.

Диме захотелось выругаться. Но он сдержал себя. Спросил сына:

– Сам заснешь? Пора уже самому засыпать.

– Да.

Папа Дима вышел из комнаты.

Через какое-то время Денис заснул, и ему снилась Луна, а я рядом с ней – две звезды, в которые превратились дочери уставшего человека, ушедшие за ним на небо, потому что очень любили его. И им навсегда захотелось быть с ним, поэтому они оттолкнули лестницу, и никто больше не мог забраться на небо, чтобы отдохнуть.

С тех пор на Земле все изменилось. Но такие дети, как Денис будут рождаться всегда. И это здорово! Каким бы не было будущее.

Игровая приставка

Женщина одна бедности очень боялась. Панически. А страх парализует и сознание, и волю, и слабеет человек, и может свалиться на него то, чего он так боится.

Когда её дочка совсем маленькой была, то подошла к ней, и спросила:

– Почему бабушка Валя так часто прощения у меня просит? И «сыночком» иногда называет?

– Старая наша бабушка вот и заговаривается, – ответила женщина.

А ночью, когда все уже спали, женщина лежала, и плакала, вспоминая своего братика, и маму, и себя.

А потом пролетели годы, и дочка этой женщины подросла, а она поняла, что устала жить со своим страхом, и с ним надо что-то делать. Только это трудно очень...

– Мы бедно жили, – рассказывала женщина. – Брат в первый класс собирался, а тогда уже появились приставки эти, для игр. И все дети их хотели, и Костя исключением не был. А стоила она дорого. Мама пыталась ему объяснить, что его к школе надо готовить, что нет таких денег, только как это объяснить ребенку? Он капризничал, ревел, и я понимаю, что это от воспитания всё идет, только вот и меня особо не воспитывали, но как-то умела желания свои умирять, видела, как маме трудно, как она работает постоянно. Костя пошел в школу, а потом заболел. Пневмония. Сначала думали, что простыл, мама больничный взяла, лечила его, а температура не спадала. И у него что-то вроде бреда началось. И он все говорил: «Мама, почему ты мне ее не купила. Я не поиграл». Его отвезли в больницу, но спасти не удалось. Что с нами было, сами представить можете. Родственники, хорошо, что в беде не бросили... Только вот мама...

У женщины зазвонил телефон, и она полезла в сумку. Поговорила, как я поняла, с дочкой. А потом продолжила свой рассказ:

– Декабрь был холодным – морозы до тридцати градусов доходили. У меня то время с холодом страшным ассоциируется, когда согреться невозможно.

– Простите, а что с мамой случилось?

– Все думали, что это от беды у неё, такое состояние. Она странно себя вела. К маленьким мальчикам на улице подходила, становилась на колени, плакала, и кричала: «Прости меня, сыночек!» Дети пугались. Убегали. Родители, если рядом были – ругались на нее. Она и в комнате у него сидела, и все повторяла – прости, сыночек, прости. Но это недолго длилось. В больницу ее забрали. А я к тетке жить переехала.

От этой истории у меня к горлу ком подступил. Такое бывало очень редко. Но бывало, чего уж там скрывать.

– Мама месяца два лечилась, но безуспешно. Медсестры ее так и называли: Прости Меня Сыночек. Прозвище появилось. Она просила прощения уже у всех. У санитарок, врачей, других больных.

– Но она поправилась?

– Да. Мне тетка рассказывала, как врач сказал ей, что маму судьба исцелила. Она на препаратах была, на мир по-другому смотрела. Ее гулять вывели, с остальными, а к санитарке сын пришел, он ключи забыл, или потерял. И шел к ней. А мама его увидела, и кинулась к нему. И как обычно, на колени, и давай свое: «Прости меня, сыночек!» Мальчик замер, испугался, а за мамой уже стояла или медсестра, или... Я не помню кто. Вроде бы медсестра. Она и спасла маму. Стала мальчику знаки подавать, мол, соглашайся. А он или смышленным оказался, или... Сложилось все так. Но он сказал: «Мама, я на тебя и не обижался никогда». А мама словно и не слышала. И мальчик сказал: «Мама, я тебя давно простил». Простите, я и этого точно не знаю, как было, по словам. Но мне так сказала тетка. Мама разрыдалась, обняла его, тут уже остальные больные вокруг стояли. Ей важно было услышать это слово – «прощаю». И она

быстро пошла на поправку. Такое вот чудо. Потом она мне рассказывала, как видела Костю, как он являлся... Это просто дети были, конечно, на улице. Но они ей Костей казались. И она подбегала к нему, а он убегал. Не он, конечно...

– Я поняла.

– Поймите и то, что после той истории я изменилась тоже. И думала, что когда у меня будет ребенок, то из кожи вон вылезу, то у него все будет. Только, не совсем и не всегда так получается. И вы можете понять мое состояние, когда...

– А сколько дочке сейчас лет?

– Поздняя она у нас. Сейчас её четырнадцать.

– Трудный возраст.

– Не то слово, и каждое ее «купи» возвращает меня в прошлое. Последние слова Кости, понимаете? И мамино чувство вины потом. Мне трудно. Трудно жить. Можно это поправить?

– Попробуем, – сказала я. – Обещания в нашем деле нельзя давать. Но попробуем.

Подружка с Донбасса

Девочка за стенкой появилась неожиданно. Позже Валя узнала, что квартиру сняла семья с Донбасса. Глава семьи привез мать, жену и дочку, помог им устроиться, да и уехал обратно.

У Вали был трудный период – она рассталась со своим молодым человеком, а на работе чувствовала себя космонавтом, который высадился на самую недружелюбную планету во вселенной. Ещё та атмосфера, короче. Токсичная, ядовитая.

Зима казалась бесконечной, а морозы ещё более холодными. Ещё была ночная тишина, накрывавшая квартиру Вали, словно погребальным покрывалом, и прерывалась она лишь на время, негромким шумом холодильника.

«Тихий район – это не всегда хорошо», – думала Валя, закутываясь в одеяло.

Ей очень хотелось завести собаку или кошку, но некому было смотреть за ними, пока она была на работе. А ночная тишина всё больше и больше пугала её. Она отличалась от похожей, но всё-таки другой тишины, из детства, из деревенского дома бабушки, к которой она приезжала на каникулы.

«Там хоть мышка скреблась, – вспоминала Валя, – а иногда и сверчок пел. И сам дом, что-то в нём... поскрипывало?»

Валя, конечно, пыталась смотреть телевизор, оставляя его включенным, но однажды проснулась от страшного сна и поняла, что это новости проникли в её сон, став его частью.

«Только снов мне таких не хватало. Всё против меня...», – сказала она сама себе вслух и пошарила рукой по тумбочке в поисках пульта. Наткнулась на плеер, взяла его, надела наушники. Послушала минут десять и выключила.

«Нет такой музыки, которая соответствует моему состоянию, – решила Валя. – Если подумать, то ничего страшного у меня не произошло. Я просто одна. А я так не привыкла. А музыку, похожую на размазную или не пишут, или я не знаю такой музыки, но надо бы поискать...»

Вале было очень плохо, но однажды ночью она, уже привыкшая к этой давящей тишине, чуть не подскочила на кровати. У неё заколотилось сердце.

В стенку кто-то постучал. Негромко, но и не тихо. Валя замерла. Потом – снова раздался стук, а потом детский плач. Плакала девочка.

Уфф...

Валя облегченно выдохнула. Это всего лишь девочка. В пустующую квартиру вселились жильцы. Так получилось, что кровать Вали и кровать девочки стояли рядом, разделенные лишь стенкой, а сами знаете, какие стенки в «хрущёвках».

Тишина убежала из квартиры Вали. Днём девочка за стенкой бегала, веселилась, иногда капризничала, а ночами – плакала.

А у Вали было плохо со слезами. Она их ощущала, но... Как неразворенную влагой едкую корку, на сердце. А плакать хотелось. И девочка помогла Вале, очень быстро и она разрыдалась. За компанию и плакать проще, да? Даже рыдать. Вот Валя и разрыдалась так, что ноющая девочка за стенкой сразу притихла. Валя сходилась в ванную, умылась, вернулась и накрылась одеялом, с головой. И тут в стенку постучала девочка, тихонько. Валя улыбнулась и сама удивилась этой улыбке... Она протянула руку, взяла с тумбочки баночку с каким-то кремом, и... Тихонько постучала в ответ. И прислушалась, ожидая ответа...

Так у Вали появилась маленькая подружка, которая тоже не любила ночь. Валя еще ничего о ней не знала. Потому пыталась представить – какая она? Представлялось милое, маленькое, но хулиганистое существо.

Так они и перестукивались. Валя больше не чувствовала себя одинокой. В одну из пятниц Валя пришла с работы, стала готовить себе ужин, и тут в дверь позвонили. Она открыла, на пороге стояла пожилая женщина.

– Здравствуйте, соседка. Я пришла извиниться. Таечка вам спать мешает, вы в ответ тоже стучите, чтобы она прекратила. Но... мы переставим кровать в другую комнату, просто ремонт пытаемся сделать, но быстро не получается. Дорого у вас всё. Таечка у нас нервная очень...

Валя замерла. А потом тихо произнесла:

– Пожалуйста, ради Бога, не переносите её кровать. Я... Я не жалуюсь, то есть не ругаюсь. Я просто разговариваю так с ней. Неужели громко стучу? Простите. Увлекаюсь, может? Оставьте её, ладно? Пусть стучит.

Женщина задумалась, и, кажется, всё-всё поняла. Улыбнулась. И даже поцеловала Валью в щеку.

А в воскресенье Валя увидела Таечку. Она бегала вокруг бабушки, как бегают дети, которые не так давно научились ходить, поэтому пытаются оторваться на полную катушку. Валя остановилась и смотрела на Таечку. Таечка заметила её. Валя помахала ей рукой, и Таечка улыбнулась, и тоже помахала ручкой в варежке с помпоном.

– Привет, подружка, – прошептала Валя. – До связи? После полуночи, да? Жду тебя.

Буду хиппи!

Если бы родные не вспоминали эту историю, она могла бы кануть в небытие, забыться, как и многие другие истории из детства. Но мне иногда о ней напоминали, в шутку... А когда я пересекалась у деда с одним из его коллег, то он всегда мне говорил, даже когда я подросла:

– Привет, хиппи!

А всё началось в районе Казанского собора, в выходной, в летний и жаркий день. Я гуляла с родителями, на пути нам попались знакомые, и мои предки стали с ними болтать. Не знаю, как для вас, но для меня в детстве это было самой настоящей пыткой, особенно если такая уличная беседа затягивалась. Я тянула поочередно мамину руку, папину, и ныла:

– Хватит разговаривать, пошли...

Безрезультатно. Что они обсуждали? Может, смерть Высоцкого?

Не знаю...

Стоять рядом было скучно, и я отошла – сначала на три метра, потом – подальше... Да-да, так, наверное, и теряются дети.

И тут я услышала смех, повернула голову, и... Обомлела! Прямо на меня шла компания молодых людей и девушек. Но они были такими необычными, такими красивыми, что я не могла пошевелиться. Я никогда не видела таких людей раньше!

«Они как индейцы», – подумала я, вспоминая югославские фильмы.

Нормальное, в общем, восприятие действительности, для детского возраста. То есть исключительно по внешнему виду. Хотя и многие взрослые этим страдают, конечно, но тогда я об этом не думала. Я просто стояла, открыв рот, и зачарованно смотрела на них, а когда они подошли, одна из девушек присела на корточки, и сказала мне:

– У тебя обалденные волосы, подруга! Вырастишь, приходи к нам.

– А вы... вы кто?

– Хиппи, – ответила она, и достала из кармана джинсовой куртки жвачку. – Держи.

– Лерка, пойдем, хватит болтать! – начали ныть её друзья и подруги. В этом я уже была похожей на них. Или они на меня?

– Сейчас, – ответила она. – Я тоже хочу такую дочку!

– Сделаем, – пообещал ей один из молодых людей. – Пошли.

Напоследок, она сняла с шеи одни из своих многочисленных бус, надела их мне.

И они пошли дальше, красивые, худые и загорелые.

Я повертела головой, и пошла к родителям, радостно осознавая, что мое будущее моментально стало определенным и понятным – оставалось только «вырасти».

– Что ты жуешь? Что у тебя на шее? – встревоженным голосом спросила мама.

– Жвачку, – ответила я. – Подруга моя дала. И бусы...

– Какая твоя подруга? Где она? – мама ещё больше встревожилась, и стала смотреть по сторонам, но они... Они уже ушли.

– Хиппи! По Грибоедова ушли, – ответила я.

– Быстро выплюнь! – потребовала мама. – И бусы снимай!

– Нет! Она вкусная! Это мои бусы, подруга подарила! – Я топнула ногой.

Дело шло к конфликту, который завершился компромиссом – розовый комочек жвачки я выплюнула, а бусы мне разрешили оставить. Потом я даже спала, не снимая их. Правда, мама их «продезинфицировала», как она выразилась. Для меня они стали... словно пропуском в другой мир.

30 июля у деда был юбилей, и мы с утра поехали к нему. Мама помогала бабушке готовить, а потом пришли гости. Один из гостей, строгий такой, всем распоряжался за столом. Наверное, это был один из начальников, то есть человек, привыкший командовать. В какой-

то момент, он позвал меня, вроде бы даже попросил прочитать стишок, а потом задал один из самых стандартных вопросов:

– А кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Я уже знала ответ. Мне так хотелось поделиться сокровенным желанием, мечтой! Я сразу вспомнила красивую длинноволосую девушку, и радостно, излишне задорно выпалила:

– Когда я вырасту... Я... Я... Буду хиппи!

И все замолчали.

– Кем? – переспросил «начальник».

– Хиппи!

– Они у нас «зайцами» ездят, – сказал кто-то. – Мы их с поездов снимаем.

– Понятно. Ладно, девочка, иди... – «Отпустил» меня этот дядька. – Чую, хлебнём мы ещё с вами, в свое время...

Нет, хиппи я не стала. Да и «система» их, когда я подросла, уже стала разваливаться. Но появились знакомые, которые были в неё вхожи, и из их рассказов я узнала, что не все там было так красиво, как... Как внешне! Очень много была и плохого, трагичного даже...

Но тогда, в детстве, у меня был идеализированный образ, с которым я и жила какое-то время. И почему-то мне иногда бывает жаль, что бусы те не сохранились, как и многое другое, из тех времен... Да, точно. Это было лето, 1980-й год.

Это мой брат, он больной...

К началу 2000-х я точно убедилась в том, что совесть – реальна. Не то, чтобы я раньше сомневалась в её наличии, просто мой опыт, с детства, больше говорил о том, что сильнее всего она распространяется на родных и близких. Сделаешь что-то не так, обидишь их несправедливо, и... Болит ведь! Ночная такая боль.

А потом, неожиданно... Увеличился радиус действия. И теперь я точно знаю, что у каждого из нас есть эта боль – если не врать себе и другим, конечно... Боль за бездействие, за непоступок. Сколько лет мне было тогда? Да молодая совсем была, и возвращалась поздно вечером домой, и лежащий человек протянул руку, и прокричал: «Помогите мне!». А над ним – два других человека, которые его с мячом футбольным спутали, наверное. И один из них увидел меня, и в переводе на нормальный русский язык его ругань звучала так: «Вали отсюда, уноси ноги, да побыстрее, а не то...» Меня немного колотило от увиденного. А вокруг было совсем безлюдно. Вы думаете, что я побежала в милицию? Нет. Я просто унесла ноги, как мне и посоветовали.

К началу 2000-х я точно поняла и почувствовала, что есть лимит таким воспоминаниям. Если их будет много, то жизнь станет ужасной, такой, что уже совсем не сможешь нормально жить. Да, к тому времени я вышла замуж, и мой мудрый муж активно передавал мне свои знания, в дополнение к институтским. И он, естественно, беспокоился о моей безопасности. Формально, 90-е закончились, но об этом не объявили официально, поэтому объективная реальность как-то запоздала, не подтянулась то есть. Не знала, что они уже завершились. Психология для мужа была всем, и он везде искал для неё применение.

– Гопники? – вопрошал он. – Агрессия у них – от слабости и трусости, а на самом деле они ищут жертву, которая не может ответить. Запомни это...

Запомни это, запомни то... бла-бла-бла. Иногда у меня начинала болеть голова от его нотаций. Но они оказались полезными. Что могла, я запоминала, конечно, и однажды пришло время, когда надо было отойти от теории к практике.

Я ехала в трамвае, стояла, свободных мест не было. Было лето, на поясе висел плеер, еще из тех, старых, в который надо было вставлять диск. В уши мне пел Леонард Коэн. Пел про «ожидание чуда», а потом про ужасное «будущее». Потом меня кто-то толкнул меня в спину, но я не обратила внимания. Это нормально, для общественного транспорта.

Между песнями возникла очередная пауза, и я услышала плач, развернулась. Выключила плеер. Спойкой ко мне стояли два молодых мужика, нетрезвых, которые приставали к парочке молодых людей... Девушка была младше, девочка ещё даже, лет четырнадцати-пятнадцати, а юноше было лет восемнадцать. Трамвай остановился, возле метро. Вышло много людей. Стало просторно. Я сразу поняла, что юноша был болен. Это было видно по его взгляду, по тому, как он себя вел. Он улыбался. Ну а мужики, наверное, решили, что это такой замечательный повод для развлечения. Они тыкали в юношу пальцами, хватали за нос, хохотали, и задавали какие-то вопросы, перемешивая их с оскорблениями. Мне кино сразу какое-то вспомнилось, про войну. Немцы в нём себя очень похоже вели...

Девочка плакала, и пыталась им что-то объяснить.

– Дяденьки, это мой родной брат, он больной, – просила она. – Отстаньте от нас, пожалуйстаааа... Дяденьки...

А «дяденьки» не унимались. Да, согласна, что искусство – это идеализация, но я автоматически осмотрела салон трамвая. Почему-то очень хотелось, чтобы на заднем сиденье оказался какой-нибудь, пусть не Данила Багров, но кто-то вроде его... Осмотрела, и поняла, что комбинация из пассажиров в этот раз какая-то проигрышная. Хлипкая. Женщины, дети. И три

или четыре мужчины, сделавшие вид, что рассматривают через окно достопримечательности нашего славного города. Будто никогда их не видели. Типа, они туристы.

О, где же ты, брат?! А? Где? Хотя... Наверное, он уже свалил в Америку. И стал братом-2.

Наверное, я эгоистка, потому что именно тогда ясно и отчетливо поняла, что не хочу потом вспоминать и это. Больше не хочу так. Не хочу вспоминать издевательство над больным человеком, которое происходило на моих глазах. Не хочу.

И что там муж говорил мне про психологию при общении с гопниками и хамами? Интересно, с «трамвайными» сработает?

Я сделала вид, что меняю диск в плеере, и уронила на пол – и диск, и плеер. Наклонилась, и стала их поднимать, умышленно задевая «дяденек» пятой точкой. Мне надо было переключить их внимание на себя. Ладно, ещё парень этот, он всё равно каком-то в своем мире находился, но девочке реально было плохо. И ей ведь тоже надо жить потом со всем этим...

Сработало! «Дяденьки» заметили меня. Не могли не заметить. Переключились.

Вы ведь знаете, что говорят хамы, и трамвайные, девушкам? Поэтому, повторять не буду. Да, разумеется, они захотели «прогуляться» со мной.

– Если муж не будет против, – ответила я. – Только я выхожу уже на следующей. Он меня встретить должен.

– Какой такой муж? Да мы...

«Господи! – подумала я. – Пусть всё будет как всегда!» То есть я попросила о том, чтобы на остановке оказался хоть один, но военный моряк, офицер. Я просто знала, что они всегда там оказываются.

Да, это психология. Услышав про мужа, они, выдав несколько оскорблений, снова переключились на брата с сестрой. Сделали вид, что я им уже не интересна. Эх, нельзя так обижать женщину. Трамвай остановился, я подошла к двери, и громко сказала им:

– Так вы идете, мужчинки? Или испугались моего мужа? – И быстренько вниз. Прыг!

Ну как же они не пойдут? Они ведь такие! Сама крутизна.

Да, офицер на остановке оказался. И не один! Это такая волшебная остановка. Они там всегда! Ура! Я подбежала к самому здоровому. Он, правда, чуть не упал в обморок, когда я обняла за шею, и быстро прошептала в ухо:

– Помогите мне. Так надо. Сделайте вид, что вы мой муж. Ко мне пристают опасные хулиганы.

Моряк оказался настоящим. Он все понял. Трамвай поехал дальше, увозя с собой девочку и её брата, а «дяденьки» стояли в трех метрах, и смотрели на нас с офицером.

– Они тебя обидели? – громко спросил он.

– Да. Они домогались, – ответила я.

– Мужик, да врет она! Не верь ей. Она сама заигрывала с нами! Это такая баба... у тебя.

– Что? Какая-такая? Баба???

– Не, мужик, прости...

И они как-то быстро даже не ушли, а растворились...

– Спасибо, – сказала я офицеру. – Северный флот нас не подведет, если что? А? И Балтийский – тоже!

– Да не за что, – ответил он. – Обращайтесь, если что... Не подведем.

Идеальный мужчина!

А ведь был в моей жизни идеальный мужчина! Настоящий! Только я про него забыла совсем. И вот так, неожиданно – вспомнила! А в такие воспоминания приятно погружаться... Они радуют и греют. Себе я, правда, в них совсем не нравлюсь, но это можно пережить...

Мы сидели на берегу пруда, в котором посреди ряски плавали ворчливые гуси. Над нами раскинула густую крону старая липа, и лучи июльского солнца терялись где-то там, высоко, в листве. Нет, мы не играли. Мы, три подружки, сидели и мечтали на тему: что бы каждая из нас купила, если бы внезапно завлела огромной кучей денег? Э... По тем временам, а это был класс четвертый... Куча денег? Это рублей десять или двадцать пять!

К нам подошла ещё одна девочка, послушала нас, и сказала, что достать такие деньги – не проблема. Её старший брат выписал в аптеке, ещё в городе, цены и названия лекарственных трав, и уже занимался их заготовкой. Нас заинтересовал такой вариант. Сбор лекарственных растений – звучит очень красиво. А если ещё за и деньги.

– Килограмм лепестков васильков стоит целых двадцать пять рублей! – важно сказала та девочка, и мы ахнули... – А вот и твой жених идет, – добавила она.

Я посмотрела. Да, его так все называли. Он учился в шестом классе, и впервые приехал на дачу к своим родственникам из каких-то очень далеких краев, чуть ли не с Дальнего Востока... И я уже не помню, каким ветром его занесло к нам. Ну, наверное, он в меня влюбился, ведь все так считали. Правда, ничего такого он не говорил, а просто взял надо мною шефство. Звали его Николаем. Он так и представился, в первый раз, по-взрослому.

Я и сейчас не знаю, почему он был таким серьезным? Пережил что-то нехорошее в жизни, после чего стал к ней внимательнее относиться? Нет, не знаю. Так вот, он был очень серьезным и очень внимательным.

– Лук хочу, со стрелами, – сказала я как-то раз, ни к кому не обращаясь. Так, просто... мысль вслух.

– Завтра будет, – ответил он.

И он сделал замечательный лук, сказал, что из рябины, а еще несколько стрел, и не простых, а почти настоящих, с перьями. Этот лук у меня быстро отнял дедушка, когда я выбрала в качестве мишени один из двух его ульев.

– Это уже не игрушка, – сказал он. – А опасное оружие.

– А он мне ещё сделает, – важно ответила я.

Помню, как купались мы на берегу нашего большого озера... Так вот, я зашла в воду, и пошла по песку и мелким камушкам, а дальше начинался ил, и вот в этом иле меня кто-то укусил, мне так показалось... Стало больно, я выбежала на берег и увидела, что сильно порезалась, возле мизинца. Коля подбежал, схватил меня на руки, и, тяжело сопя, понес меня домой. На середине пути он положил меня на плечо, так ему было легче. Дома бабушка заохала, забегала, а Коля потом ещё и советовал ей – как лучше бинтовать стопу.

– Какой взрослый мальчик, – потом сказала мне бабушка. – Хороший.

Самое интересное, что такое отношение не идёт на пользу девочкам. Портит характер моментально. Я стала представляться себе этакой королевой, и начала злоупотреблять отношением Коли. Я выпендривалась перед остальными девчонками. А он всё это терпел, молча. Почему? Зачем? Да, я его обижала, а он и виду не подавал.

Тогда он подошел, к нам, под липу, послушал наш разговор, и сказал, что с васильками лучше не связываться. Лучше сушить подорожник или зверобой.

– Они дешевые, – сказала та девочка. – На них много не заработаешь! А вот васильки...

– Да вы подумайте, сколько их собрать надо, лепестков этих. Ведь принимают их в сухом виде.

– А что тут сложного? – сказала я. – Не хочешь мне помогать, не надо. Сама собираю.

На следующий день он пошел с нами, на поле, и тоже ходил, и собирал эти лепестки. Мы ходили долго... Три или четыре малолетние дурочки, и один разумный мальчик. Вокруг летали злые, как собаки, слепни и оводы. Было жарко.

Возле дома Коля отдал мне свой пакет. Разумеется, васильковых лепестков он собрал больше всех. А если ещё мои...

Я постелила в своей комнатке газетку, высыпала на них «урожай».

– Иди ужинать, – сказал дед. Он стоял в двери, и смотрел, как я сижу и опускаю пальцы в мое «богатство».

Ощущения были приятные – опускать пальцы в целую кучу лепестков, и ворошить их.

– Если килограмм засушить, то у меня свои деньги будут, – сказала я.

Дед хитро улыбнулся.

Утром я проснулась, и поняла, что на поле больше не пойду. Лепестки стали похожи на высушенные водоросли. И оказались невесомыми, как перья!

Днем у нас появилась новая забава – мальчишки нашли длинный кусок кабеля, внутри которого было много разноцветных проволочек, и мы сначала плели колечки, браслеты, а потом стали наматывать их на спицы велосипедов. Нет. Вру. Я ведь тупо ничего не делала. За меня всё это делал Коля. А я просто сидела. А потом он взял оболочку от этого кабеля, приделал к его концу веревочку, а к другому – палку... Получился настоящий хлыст, как у пастуха из соседней деревни. Только вот «хлопать» им, как положено, громко, получалось только у Коли.

Классное было лето! Да и остальные были хорошими, как и положено в детстве. Но это – выделялось. В конце августа за Колей приехала мама, о чем он сказал мне, протягивая сложенный вчетверо листик бумаги.

– Это мой адрес, – сказал он. – Напиши, ладно? Или ещё лучше – дай свой.

– Ещё чего, – ответила я. – Сама напишу, если захочу.

Разумеется, листик я быстро потеряла. Да и про Колю забыла тоже быстро. Не, не жалею. Я ведь даже фамилию его вспомнила. Но никогда не буду, ради любопытства, пытаться найти его в социальных сетях.

Зачем?

Идеальный мужчина – должен и оставаться таким в памяти. Даже если он тогда ещё был ребёнком. А сейчас я понимаю, что из него, наверное, вырос действительно классный мужик. Ведь если он в детстве таким был... А может быть и нет. В любом случае, идеальный мужчина, без кавычек, был в моей жизни. Целых три месяца! Дело ведь, не в возрасте. Есть ведь маленькие – мужчины, а есть большие – мальчики.

Несостоявшийся «подкидыш»

Сидела сегодня вечером и писала о том, как однажды увидела, простите, в туалете, небольшую паутинку, в углу, внизу. Я была в гостях у моей коллеги Дарьи, и сказала ей:

– Слушай, у тебя там паук живет. Туловище – с зернышко тмина, длинные лапки. Видно, что очень голодный.

– Это упрек?

– Нет! Вдруг это у тебя такое домашнее животное. Я подумала – кем он питается? И откуда взялся? Город. В туалете – кафель. Откуда? Зачем? Какой ему интерес там сидеть? Или это такие домовые пауки?

– Не знаю. Раз в доме – всяко не лесные.

А потом она мне перезвонила, через неделю, и сказала, что он питается такими же пауками. А откуда они берутся – она не знает. Словно из воздуха.

Ладно, дописать задуманное я не успела. Там ещё мораль подразумевалась, конечно. Но мне знакомая позвонила... То есть когда-то дружили, а потом раз в год перезванивались, в лучшем случае. Это нормально. Но можно ли подругой назвать? Знакомая – это та, которая не стала подругой? Или которая перестала ею быть? Не суть. Позвонила она с очень неожиданной просьбой:

– Привет! Можно мы тебе нашего оболтуса подкинем, на две недели? Мне сказали, что ты на даче...

Я не поняла, о ком речь идет, честно... Подумала, что они собаку завели сыну, или кота. Или какое-нибудь модное ныне экзотическое животное. А подумала я так потому, что даже и не могла представить, что она говорила именно о своём сыне. Меня всё это смутило:

– Как подкинете? Прямо вот подъедите к дому, и подкинете к забору? И дёру? Даже не думайте!

– О, узнаю твой юмор... Нет, конечно. Понимаешь, нам с мужем надо отдохнуть. Сил – нет. А какой со Степаном отдых – ты знаешь...

Знаю. Один раз я «отдохнула» вместе с ними. Всё, включая визы, время отпуска – совпало, и мы поехали вместе. Отдых со Степаном – замечательный, если честно, но при соблюдении пары условий. Тогда ему было лет шесть или... больше? Они с раннего детства таскали его по разным странам, и поездки утратили для него всякий интерес, потому что родительский подход был неправильным. Не заинтересовали они его, на будущее... Они почему-то очень «кухней» интересовались. И рассказы об их поездках были, для примера, почти всегда такими:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.